

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ЦАРЬ ДОДОНЪ

**РИСУНКИ
Л. БАКСТА**

ОВЕЗЬЯННЯ ВЕЛИКАЯ ВОЛЬНАЯ ПАЛАТА

МСМХХІ

**Настоящее изданіе
отпечатано въ количестве
333 нумерованныхъ
экземпляровъ.**

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ЦАРЬ ДОДОНЪ

ОВЕЪЯННЯ ВЕЛИКАЯ ВОЛЬНАЯ ПАМТА

МСМХХІ

ЦАРЬ ДОДОНЪ

В нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ царствовалъ сильный и могучій царь Додонъ. И было это царство богатое и сильное—съ краями полно, не смотришься: всякій тутъ лѣсъ, всякая ягода, всякія птицы водились, и не только что хлѣба было всѣмъ вволю, но и всякаго добра и всего не въ провѣдъ было, да и скотины развелось очень довольно.

Задавалъ царь пиръ за пиромъ пьяные-распьяные, и было въ его царствѣ веселье, какъ еще ни въ одной державной странѣ, разливанное, и

гости, отплясавъ ночь въ три ноги, возвращались подъ утро домой безъ заднихъ ногъ.

Разными диковинками славился Додоновъ дворъ, и шла его слава далеко — дошелъ слухъ до Кощея-безсмертнаго. И уже собрался самъ Кошей въ гости къ Додону побывать, ужъ сѣлъ Кошей на коверъ-самолетъ, да только сажень десять не долетѣлъ, потому что ему нельзя какъ-то въ Русь, и воротился домой.

А диковинки и вправду были знатныя.

Жилъ у царя на чердакѣ воронъ,— воронъ, если бывала надобность, пускался изъ слухового окошка за тридцать земель, приносилъ царю отъ Лягушки-царевны золотое яблоко, а съ золотымъ яблокомъ живую воду и мертвую.

Царь гѣмъ яблочкомъ лакомился, а живую воду въ квасъ подбавлялъ и всегда послѣ бани съ квасомъ кушалъ въ свое удовольствіе, а кстати

и чтобы вѣкъ свой продлить — подбадривалъ старую кость, приходящую въ ветхость, мертвой же водой для развлечения мухъ да таракановъ морилъ.

Хранился у царя въ хрустальной шкатулкѣ перстень — перстень, если метнешь его съ руки на руку или на палецъ надѣнешь, такъ сію же минуту и перенесетъ тебя, куда хочешь.

Царь шкатулку держалъ у себя подъ головами, а перстень надѣвалъ только разъ въ году на свои именины и то на обѣдню.

Въ стойлѣ стоялъ златогривый конь златохвостый, и никуда на конѣ никто не ѣздилъ и никуда коня не выпускали, а была проверчена въ конюшнѣ щелка, черезъ ту щелку всѣ на коня глазѣли да диву давались.

У краснаго крыльца лежала свинка-золотая-щетинка, испускался отъ свинки свѣтъ такой сильный, и никакого другого не надобилось свѣта, и другихъ огней на царскомъ дворѣ не

зажигали: хотъ въ самую темень иди, не споткнешься и нечего бояться— не разобьешь носа; трогать же свинку пальцами и гладить руками никому не дозволялось— обнесена она была крѣпкой рѣшеткой, и лишь издали кланялись свинкѣ, поминали чушку добрымъ словомъ.

По саду разгуливалъ олень — золотые рога, днемъ златорогій любовался на себя въ тихомъ озерѣ, на ночь въ пещеру спать уходилъ и спалъ до зари, какъ простой человекъ.

И жила еще у царя птица-колпалица,—на птицѣ куда хочешь летай, только было бѣ птицѣ что ѣсть, а птица ѣсть хотъ и ѣла и не такъ чтобы много, да норовила за разъ въ одинъ присѣсть всѣ запасы прибрать и волей-неволей отрѣзай пожирѣе кусокъ отъ себя, да человѣчиной корми птицу, а то не летитъ.

Царь на птицѣ никогда не леталъ, а держалъ птицу въ клѣткѣ надъ

своимъ трономъ, и тутъ же у трона гусли висѣли самогуды и такъ сладко звядали, уши развѣсишь.

На дворѣ на привязи въ собачьей конуркѣ, какъ собака, сидѣла Вѣдьма: день подъ окнами ползала немытая, ночью тявкала по-собачьи.

Какъ-то въ сердцахъ предсказала Вѣдьма царю смерть отъ червя. И приказалъ царь Вѣдьму казнить,—разложили на дворѣ костеръ и Вѣдьму сожгли, а червей всѣхъ, сколько ихъ ни было, и какіе только могли проливиться, велѣно было доставлять ко двору и давить, а которые юрки, тѣхъ на мѣстѣ приканчивать.

Высоко сидѣлъ царь Додонъ на перловомъ вырѣзномъ тронѣ въ красныхъ веселыхъ палатахъ. Окружены были царскія палаты трехстѣнною крѣпостью, на стѣнахъ наведены были струны съ колокольчиками.

Сидѣлъ царь высоко во всей своей царской государевой славѣ, давилъ червей да лакомился золотымъ яблочкомъ,

а вокругъ него все гости да все пьяные, плетутъ свой сказъ, поютъ, пляшутъ, удивляются, царскимъ диковинкамъ.

А диковинки и вправду царскія!

Но изъ всѣхъ диковинъ диковинка, чудо изъ чудесъ, диво изъ дивъ, росла дочь у царя царевна Олена—краса неоцѣненная, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать.

*

Прошло тамъ сколько, не годъ, не два, и стали вѣсти носиться, что поспѣла царевна невѣстой подъ вѣнецъ. И стали изъ иныхъ земель цари, короли да принцы къ Додону съѣзжаться, и сталъ царь Додонъ собирать царскую свадьбу.

А пока приданое готовили, удалцы женихи свою удалъ передъ царицею развертывали. И перевернулось все царство Додоново: очень ужъ царевна была всѣмъ завидлива и зарился всякій въ жены себѣ царевну взять. И

бранились, дрались соперники, убивали другъ друга до смерти, рѣзали прямо ножами, а не то такъ инымъ дѣломъ изводили.

Вотъ заструнили струны, зазвенѣли колокольчики — наступили смотрины царскія. И пошли сваты со свахами невѣсту охаживать, приданое-добро смотрѣть, всякую мелочь вдоль и поперекъ отрагивать, во все запускать свой глазъ, такіе дотошные, — да такъ и обычай велить.

И не мало, не много, цѣлый день трудились — одного серебра, сундуки ломаются! — и лишь подъ вечеръ согласно решеніе вынесли: порухи нѣтъ никакой, невѣста красавица и все, какъ надо быть, во всей красѣ царской, и лучшей невѣсты поискать не отыщешь. А ловкостей разныхъ — няньки да мамки научаютъ этому дѣлу невѣсть — поразсказала царевна на загладку сватамъ такъ много, и пальцевъ для счета не хватить, и такія хитрости выказала, что и сами сваты, народъ дошлый,

да и тѣ не выдержали, совсѣмъ очумѣли, да впопыхахъ вонъ, сломя голову, въ сѣни духъ перевести.

И только съ сыпильнымъ мѣшочкомъ, подвязавъ его себѣ крѣпко, вернулись сваты къ царевнѣ.

Ужъ готовились ударить во всѣ колокола, готовилась царевна выбрать себѣ мужа, а царь зятя, какъ вдругъ чей-то лихой глазъ открылъ въ царевнѣ такое... и когда про такое свать перешепнулъ на ухо свату, и съ уха на ухо всѣмъ стало извѣстно, всѣхъ такой оторопь взялъ, и въ мигъ весь Додоновъ дворъ ровно языкомъ слизнуло.

Повскакали женихи со сватами живо на коней, а свахъ кто за что — кто за сѣдло, кто за хвостъ, и всѣ до одного поминай, какъ звали!

И съ той поры никого, хоть бы кто, хоть бы самый завалыицъ принцъ, никто не являлся женихомъ къ царю.

Посылалъ Додонъ сватовъ отъ себя, сулилъ царь полъ-царства отдать, и

радъ-то былъ царь съ диковинками
разстаться, лишь бы выдать дочь—да
одинъ у всѣхъ сказъ:

— Не можемъ, да не годимся. Не
годимся, да не можемъ!

Одна-одинешенька не весела томи-
лась царевна. Утромъ выйдетъ въ
садъ, бродить, какъ тѣнь, и только
посередъ дня заходила на птичій дворъ,
кормила любимыхъ цыцарокъ.

А царя совсѣмъ старость осилила,
и отъ живой воды пользы не стало.
И хоть червяковъ всякій день давилъ
Додонъ съ сотню, а то и побольше, да
смерть не обманешь: червемъ подпол-
зетъ она, ой, червь, ой, зубатая!

И задумался царь, думая себѣ, га-
дая крѣпкую думу, какъ быть, да
чтобъ и все было. Думалъ царь, ду-
малъ и вздумалъ думу: велѣлъ царь
созвать со всего царства всѣхъ, сколько
ни есть, бояръ, всѣхъ-навсѣхъ въ
красныя свои палаты.

И сошлись къ царю бояре всѣ,
разсѣлись по мѣстамъ, порасправили

бороды и начали думать, какъ быть, да чтобы и все было. Думали-думали, ужъ думали-думали, гадали-гадали, и то думали и се думали и такъ и этакъ прикладывали и ничего не выдумали. Такъ и разошлись.

А жилъ у царя во дворцовой клѣ-
тушкѣ одинъ человекъ, а звали его
Лука-водильникъ, а былъ онъ, во-
дильникъ, не великъ, не малъ, но
такой, что всякому примѣтенъ: сухонь-
кій, востренькій и всего-на-всего объ
одномъ единственномъ глазѣ, да и
тотъ не въ показанномъ мѣстѣ — во
лбу надъ носомъ, а ужъ догадивъ —
ни на какую стать.

Появился Лука въ Додоновой землѣ,
еще когда Додонъ молодъ былъ и
большія войны велъ, уходя, бывало,
на долгіе сроки со своей сильною
ратью въ дальнія земли, а появился
Лука просто чудомъ изъ темнаго под-
земнаго царства, гдѣ люди въ кадкахъ
съ водою живутъ и все впотьмахъ
дѣлаютъ.

Не везло Лукѣ на первыхъ порахъ, все прошибался, все не по-людски выходило, ну, да потомъ попривыкъ и ужъ такъ во всемъ наловчился, что и самыя первыя комнаты — покои царскія у царя прибиралъ и птицѣ-колпалицѣ клѣтку чистилъ.

И случилось однажды, отправился Додонъ войной на Дракона, а Луку, какъ вѣрнаго человѣка, поставилъ при Воронѣ находиться и, если что Ворону понадобится, все исполнять безпрекословно.

И случилось съ Лукой о ту пору одно невеселое дѣло.

Пристрастился Лука у ворона живую воду пить и, не зная мѣры — до воды Лука большой былъ охотникъ — въ одинъ прекрасный день такъ опился, что пришлось попа звать, Луку соборовать. Сутокъ трое бились съ больнымъ, воду изъ него трубами выкачивали и только на четвертыя сутки, какъ царю съ войны воротиться, съ Божьей помощью кое-какъ

отходили бѣднягу. И съ той самой поры почувствовалъ Лука къ водѣ отвращеніе, и никогда, даже бого-явленской, никакой ни капельки ея въ ротъ не бралъ, а питался круглый годъ ягодой, кореньями да калеными орѣхами.

Еще больше приблизилъ царь Луку и со временемъ назначилъ его главной вельможей, а любилъ его какъ родного, и за смѣтливость особенно— и какъ бывало у нихъ межъ собой что сказано, такъ было и сдѣлано.

А Лука умѣлъ угождать царю: изъ ничего, просто такъ, сдѣлаетъ тебѣ кошелекъ бумажный или такъ на языкѣ играть примется, что всякій со смѣху помретъ и всякому поплясать охота, если даже и не въ моготу тебѣ.

А тутъ у Луки обнаружилось вдругъ такое пречудесное качество, что царь, не зная ужъ чѣмъ еще наградить Луку, приказалъ вписать Луку о здравіи въ поминанье на вѣчное поми-

повеніе: поминать Луку во всѣхъ церквахъ и здѣшнихъ и нездѣшнихъ вѣчно.

Богъ знаетъ, какимъ образомъ, и неизвѣстно откуда, сыпался изъ Луки въ родѣ пепла песокъ какой-то желтый, и какъ, бывало, сядетъ Лука съ царемъ судить да рядить, такъ послѣ обязательно цѣлый мѣшокъ этого песку соберутъ, а то и съ лишкомъ. А извѣстно, на Додоновой землѣ песку самороднаго и въ поминѣ не было, и всякій этимъ пескомъ, слегка просушивъ, и пользовался. И наклали изъ лукина песку посреди столицы Додоновой гору высоченную, чтобъ на Красную горку солнце встрѣчать, на Маслену съ горки кататься.

Вотъ какой былъ этотъ Лука хитрецъ — важный человѣкъ.

И надо же такому случиться, не задолго до смотринъ царскихъ отправился Лука на богомолье и пропалъ на долгое время.

Въ какія страны заходилъ одноглазый, по какимъ монастырямъ и угодникамъ молился, ничего неизвѣстно, а можетъ, просто-на-просто лазилъ къ себѣ въ темное подземное царство и тамъ короталъ дни въ кадкѣ со своими одноглазыми пріятелями, кто жъ его знаетъ!

И когда вернулся Лука, Додонова царства узнать нельзя было.

На царскомъ дворѣ все приуныло: цвѣты въ саду стали вянуть, деревья сохнуть, трава поблекла, а царь мышей ужъ не топчетъ.

Тридцать три года стукнуло царевнѣ — тридцать и три, и красна, краше нѣтъ ея въ свѣтѣ, а толку никакого.

Развѣдалъ Лука дѣло — Лука до всего доберется! — забралъ золотую мѣрку, да съ мѣркой тихонько и прошмыгнулъ въ теремъ къ царевнѣ, вымѣрилъ всю ее мѣркой, да съ мѣркой прямо къ царю и, не говоря худого слова, передъ царемъ мѣрку и сталъ раскладывать. А какъ

разложилъ всю до послѣдняго кончика, въ глазахъ у царя такъ и помутнѣло.

Ужъ на что самъ Лука не въ примѣръ другимъ: другой разъ затруднительно бывало Лукѣ съ мѣста на мѣсто передвинуться, ровно бѣ привязалъ ему кто полбѣно къ поясу, да и то куда!

Тутъ-то вотъ царь все и понялъ.

— Нельзя ли его какимъ образомъ достать, чтобы было въ пору?

А Лука подумалъ, подумалъ, да и говоритъ:

— Слышалъ я, что за девять десятинъ въ десятомъ царствѣ у Таракана такіе водились, да кто жъ ихъ знаетъ, можетъ, и перевелись.

— А ты что ни дать, дай, а ужъ достань, Богъ съ нимъ, что тараканскій.

Такъ и порѣшили,

И далъ царь одноглазому службу: ѡхвать Лукѣ къ Таракану, искать царевнѣ подходящее.

Не малое время околачивался Лука со сборами — и мылся и чистился и всякія платья примѣрялъ, чтобы на люди честь-честью показаться. И когда все справилъ по-хорошему, сѣлъ на коня, сверкнулъ глазомъ и въ путь пустился.

Ѣдетъ Лука долго ли коротко ли, близко ли далеко ли, только доѣхалъ до стоярсоваго дуба, а подъ дубомъ челоуѣкъ лежитъ, не-вѣсть чѣмъ желуди съ дуба сшибаетъ.

Поздоровался Лука съ Желудинымъ.

А Желудиный и говорить:

— Далекъ ль, молодецъ, путь держишь?

— А вотъ, — говоритъ Лука — у царя Додона есть дочь Олена, тридцать и три года... красна, краше вѣтъ, такъ послалъ меня царь искать ей жениха.

Желудиный только крикнулъ.

Тутъ Лука вынулъ Оленину мѣрку и ну раскладывать: раскладывалъ, раскладывалъ, дошелъ до кончика...

— Э, нѣтъ, не моя, поѣзжай дальше! — отмахнулся Желудиный.

Лука было выспрашивать и то и другое, и нѣтъ ли у кого такъ чтобы въ пору, Желудиный и въ усъ не дуетъ, знай себѣ желуди съ дуба сшибаетъ.

Дѣлать нечего, попенялъ Лука Желудиному, пришпорилъ коня и дальше въ путь.

Ѣхалъ Лука, Ѣхалъ, подѣзжаетъ къ рѣчкѣ, а на берегу стоитъ себѣ чловѣкъ такъ не очень казистый, а между тѣмъ протянулъ не-вѣсть-что канатомъ — перевозъ держитъ. Люди всякіе за него цапаются и народъ ташутъ.

Запримѣтилъ Луку Канатный, поздоровался.

— Сколь далече, молодецъ, путь держишь?

— Да вотъ, — говоритъ Лука, — у царя Додона есть дочь Олена, тридцать и три года... красна, краше нѣтъ, такъ послалъ меня царь искать ей жениха.

Канатный только крикнулъ.

Лука за мѣрку и ну раскладывать, а какъ дошелъ до кончика, задержался Канатный, инда волны пошли.

— Э, нѣтъ, не моя, поѣзжай дальше!

Не весело ъдетъ Лука.

Пропало, видно, дѣло, хоть назадъ возвращайся: не будетъ мужа царевнѣ, некому будетъ передать и царство, пропадетъ Додоново царство.

И только что это подумалъ, какъ захрапѣть подъ нимъ конь и ни шагу.

Осмотрѣлся Лука: что за причина?

И глазу не вѣрить: передъ нимъ табунъ лошадей, а не-вѣсть-что обогнулось вокругъ табуна да концомъ въ кобылу, а пастухъ окаянный лежитъ да придерживаетъ.

Увидалъ Луку Табунный, поздравался.

— Далекое ль, молодецъ, путь держишь?

— Да вотъ, — говоритъ Лука, — у царя Додона есть дочь Олена, тридцать и три года... красна, краше нѣтъ,

такъ послалъ меня царь искать ей жениха.

Табунный только крикнулъ.

Вынулъ Лука мѣрку и ну раскладывать: раскладывалъ, раскладывалъ, разложилъ всю до самага кончика да еще вершковъ семь отъ себя на запасъ пустилъ.

— Ага, — закричалъ Табунный, — самая моя.

Оробѣлъ Лука, не знаетъ, что и дѣлать, — и такъ ужъ и сякъ къ Табунному прилаживается.

— Вотъ то и то тебѣ, братецъ, дамъ.

И золота ему сулить и всякую всячину предоставляетъ, только бы согласился къ Додону ъхать — больно ужъ подходящее.

А Табунный и говоритъ:

— Да я и такъ съ удовольствіемъ, только надо сюда двѣнадцать троекъ пригнать, да обмотать его клубками покрѣпче да на телѣги класть, а тогда поѣдемъ.

Сверкнулъ Лука глазомъ. Не прошло и минуты, ровно изъ подъ земли, стали двѣнадцать троекъ, а нитокъ — цѣлыя версты — и туда и сюда, знай только обматывай.

И сейчасъ же, не медля, принялись мотать. Мотали, мотали, прикрутили его да на телѣги и въ путь.

И одно поле проѣхали — ничего, и другое — благополучно, а третье попало да какъ на грѣхъ кочковатое, возьми да и растряси его, а оно во всю свою длину длинную и вытянулось.

— Эй, — кричитъ Табунный, — отстегните пристяжныхъ да заѣзжайте впередъ, больно мошкора всю головку заѣла.

Что тутъ дѣлать, отстегнули, заѣхали, глядь, а головку — какая мошкора! — двѣнадцать волковъ вотъ какъ теребять.

Бросились на волковъ, отогнали, да слава Богу, ужъ столица рукой подать.

Народу высыпало видимо-невидимо, завидѣли молодца, всѣ диву дались.

А Табунный не-вѣсть-чѣмъ какъ размахнется, да прямо въ пепельную гору — въ лукинъ песокъ, весь съ головкой и вѣхалъ.

Тутъ кто съ чѣмъ: кто съ топоромъ, кто со скребкомъ — тянули, тянули, насилу изъ горы его вытащили.

Заструнили струны, зазвенѣли колокольчики, ударили во всѣ колокола да скорѣе за свадьбу.

Царь Додонъ на радостяхъ приказалъ у свинки-золотой-щетки решотку разломать, чтобы всѣ свинку трогали, а Лукъ одноглазому, осыпавъ его съ головы до ногъ золотомъ, два глаза въ родѣ человѣчьихъ вставить велѣлъ; птицѣ-колпаницѣ крылья подрѣзали, чтобы не было птицѣ соблазна на человѣчину зариться; оленя златогриваго къ высокому столбу привязали, чтобы на виду былъ олень, а червей, если остался

еще хотъ одинъ червякъ, всѣхъ по-
велѣлъ помиловать.

И задалъ Додонъ пиръ на весь
мiръ.

И я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ, по
усамъ текло а въ ротъ не попало.

**Текст сказки Алексѣя Реми-
зова, бывшего канцеляриста,
Политкома Обезьянъей Великой
и Вольной Палаты; рисунки
Л. С. Бакста, кавалера Обезья-
ньяго знака; марка Ю. П. Ан-
ненкова, кавалера Обезьяньяго
знака.**